

Корсунский И. Н. Граф М. В. Толстой, Почетный Член Московской Духовной Академии († 23 января 1896 г.) [Некролог] // Богословский вестник 1896. Т. 1. № 3. С. 452—483 (3-я пагин.).

ГРАФЪ М. В. ТОЛСТОЙ, Почетный Членъ Московской Духовной Академіи († января 23.)

*Насаждени въ дому Господни во дворьхъ
Бога нашего процвѣтуть: еще умножатся въ
старости маститъ, и благопріемлюще бу-
дутъ. Да възвѣстятъ, яко правъ Господь Богъ
нашъ, и нѣтъ неправды въ Немъ. Псал. 91,
14—16.*

Эти слова Псалмопѣвца весьма примѣнимы къ почившему 23 генваря сего 1896 года *въ старости маститъ* почетному члену Московской Духовной Академіи Графу Михаилу Владиміровичу Толстому, который, принадлежа, по происхожденію, къ высшему свѣтскому обществу, по духу и направленію своей умственной и общественной дѣятельности былъ во истину однимъ изъ крѣпко насажденныхъ *въ дому Господни*, человѣкомъ духовнымъ, церковнымъ, процвѣлъ *во дворьхъ Бога нашего* этою своей дѣятельностію, подлинно многоплодною и благоплодною, былъ и въ маститой старости „плодовитъ, сочень и свѣжъ“ ¹⁾, какъ юноша, дабы тѣмъ „возвѣщать, что *правъ Господь Богъ нашъ*, твердыня наша, *и нѣтъ неправды въ немъ*“ ²⁾.

Графъ М. В. Толстой родился 23 мая 1812 года и слѣдовательно скончался на 84-мъ году возраста,—возраста подлинно Псаломскаго (Псал. 89, 10). Онъ происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода, при Императорѣ Петрѣ I получившаго, за свои заслуги предъ престоломъ и отечествомъ, графское достоинство. Отецъ его графъ Владиміръ Степановичъ Толстой, женатый на Прасковѣ Николаевнѣ Сумароковой, почти все время послѣ бракосочетанія своего

¹⁾ По русскому переводу съ еврейскаго.

²⁾ См. тотъ же переводъ приведенныхъ стиховъ Псалма.

жилъ въ имѣніи, доставшемся на долю его супруги по наследству отъ Сумароковыхъ, въ селѣ Каменкахъ, Владимірской губерніи Александровскаго уѣзда, въ 20-ти верстахъ отъ Лавры Преподобнаго Сергія. Здѣсь-то, вблизи отъ святынь Лаврскихъ и отъ Московской Духовной Академіи, проведено было графомъ М. В. Толстымъ дѣтство и юношество,—пора самыхъ живыхъ и сильныхъ впечатлѣній, остающихся дѣйственными нерѣдко навсю жизнь. Еще будучи ребенкомъ, графъ считалъ, какъ самъ о себѣ свидѣтельствуеъ по воспоминаніямъ, самую высшею для себя наградою—обѣщаніе родителей взять его на богомолье къ Троицѣ ¹⁾. Равно также и во время поѣздокъ юнаго графа съ родителями къ роднымъ по матери въ Костромскую губернію, при остановкахъ на пути, ради богомолья, въ Переяславлѣ, Ростовѣ и Ярославлѣ, съ ихъ святынями, посѣщеніе этихъ святынь приводило его, по тому же его свидѣтельству, „въ восхищеніе“ ²⁾. Такъ воспитываемъ былъ въ юномъ графѣ духъ благочестія и такъ постепенно насаждаемъ онъ былъ *въ дому Господни*, въ Церкви Божіей и утверждаемъ былъ въ благоговѣніи къ ней и ея глубокопоучительнымъ святынямъ. Въ то же время близость къ Сергіеву Посаду сблизила графа съ однимъ изъ почтеннѣйшихъ и достойнѣйшихъ представителей Московской Духовной Академіи, незабвеннымъ профессоромъ философіи въ ней, послѣ протоіереемъ Θεодоромъ Александровичемъ Голубицкимъ († 1854), а чрезъ него и съ Академіей. Познакомившись случайно съ О. А. Голубицкимъ въ Посадѣ, отецъ графа Михаила Владиміровича пригласилъ философа къ себѣ въ Каменки, гдѣ и юный графъ съ нимъ познакомился и съ перваго же раза привязался къ нему всею душою. На прощаньи съ гостемъ философомъ, своимъ будущимъ учителемъ, юный графъ просилъ его написать что либо въ его альбомѣ на память; и О. А. Голубицкій написалъ такіе стихи:

„Что мнѣ желать, что бы ты меня помнилъ, любезный?
 Помни и крѣпко въ сердцѣ держи Отца челоуѣковъ;
 Помни и тѣхъ, кого, какъ ангеловъ добрыхъ,
 Мирныхъ хранителей юности, окрестъ тебя Онъ поставилъ.“

¹⁾ См. воспоминанія графа М. В. Толстаго въ *Русскомъ Архивѣ* за 1881, 1, 280 и статью его въ *Воскресномъ Днѣ* за 1887 г. № 2, стр. 29.

²⁾ См. тамъ же, *Воскр. День*.

Вышній, во славу своей, не сходитъ предъ взоры младенцевъ:

Въ образѣ добрыхъ родителей Онъ имъ Себя открываетъ. Ихъ научившись любить, научишься Бога любить¹⁾.

Въ этомъ возвышенномъ духѣ новый учитель, философъ-христіанинъ, и воспитывалъ потомъ своего ученика, и воспиталъ въ немъ истиннаго сына церкви Христовой. Домашнее обученіе юнаго графа подъ ближайшимъ руководствомъ Θεодора Александровича началось уже по смерти родителя графа, послѣдовавшей 19 февраля 1825 года и по переездѣ сиротствующаго семейства Толстыхъ въ Сергіевъ Посадъ, въ томъ же 1825 году, а продолжалось до августа 1830 года. Въ это шестилѣтіе графъ М. В. Толстой еще болѣе, еще тѣснѣе сблизился и съ Лаврой Сергіевой, съ ея начальствующими и монашествующими, и съ Академіей, съ ея наставниками, студентами, порядками и проч., посѣщалъ академическія лекціи, бывалъ часто въ академическихъ зданіяхъ, присутствовалъ, вмѣстѣ съ студентами, за богослуженіемъ въ Лаврской трапезной церкви²⁾, и т. д. Его искреннимъ желаніемъ было и поступить для школьнаго обученія не въ какое либо свѣтское учебное заведеніе, а въ Московскую Духовную Академію, и не по своей винѣ онъ не поступилъ въ сію послѣднюю³⁾. Послѣ домашней подготовки онъ прямо поступилъ въ Московскій Университетъ, на юридическій факультетъ, но вскорѣ же, въ виду свирѣпствовавшей тогда (это было въ 1830 году) холеры, а отчасти по другимъ причинамъ⁴⁾, перешелъ на медицинскій факультетъ. Уже на пріемныхъ испытаніяхъ въ Университетѣ графъ обнаружилъ превосходную, основательную подготовку подъ руководствомъ такого наставника, какъ Ѳ. А. Голубинскій⁵⁾. Проучившись четыре года на меди-

1) *Русскій Архивъ* 1881, I, 264.

2) До 1870 года Московская Духовная Академія не имѣла своей домашней церкви и богослуженія академической братіи совершались въ Трапезной церкви. О жизни и ученіи графа въ Сергіевомъ Посадѣ см. подробнѣе въ его собственныхъ воспоминаніяхъ въ *Рус. Архивъ* 1881, I, 277 и дал., 286—313; II, 82—89 и др. и особенно въ *Богосл. Вѣстникъ* за 1894 г., кн. 10—12.

3) На поступленіе его въ Академію не послѣдовало соизволенія митрополита Филарета. См. о семъ въ *Русск. Архивъ* 1881, I, 301 и дал.

4) Объясненіе этихъ причинъ см. тамъ же II, 48.

5) Для. сего см. тамъ же, I, 306.

цинскомъ факультетѣ, графъ М. В. Толстой въ 1834 году окончилъ курсъ съ званіемъ лѣкаря 1-й степени и съ серебряною медалью за успѣхи на устныхъ испытаніяхъ и за отличное сочиненіе по медицинѣ, а за тѣмъ, въ видахъ подготовленія къ медицинской практикѣ, посѣщаль одну изъ городскихъ больницъ. Но уже и тогда онъ испытывалъ чувство недовольства избраннымъ путемъ дѣятельности общественной и желаніе оставить этотъ путь для занятій болѣе любимыхъ, къ которымъ склонность онъ чувствовалъ съ дѣтства и къ которымъ такъ твердо вело его воспитаніе подъ руководствомъ Э. А. Голубинскаго. И только мысль о довершеніи начатаго образованія остановила его на время отъ такой перемѣны ¹⁾. Послѣ практическихъ занятій въ Екатерининской больницѣ, графъ выдержалъ съ успѣхомъ докторскій экзамень, въ 1838 году защитилъ диссертацию на степень доктора медицины и тогда же былъ удостоенъ этой степени ²⁾. Но сѣмена добраго воспитанія, а болѣе всего промышль Божій вели къ тому, что графъ и въ Университетѣ на медицинскомъ факультетѣ не увлекся свѣтскимъ направленіемъ людей того времени ³⁾ и по выступленіи на поприще общественной дѣятельности не въ качествѣ врача прославилъ себя, а остался непоколебимымъ въ духовной, благочестивой настроенности и сдѣлался извѣстнымъ въ качествѣ многосторонняго дѣятеля по благотворительнымъ и просвѣтительнымъ учрежденіямъ и въ качествѣ церковнаго, по преимуществу, писателя историка и археолога.

По полученіи диплома на степень доктора медицины въ 1838 году графъ М. В. Толстой рѣшился было, по приглашенію доктора Поля, принять на себя должность сверхштатнаго ординатора въ Московской Ново-Екатерининской больницѣ. Но не многихъ мѣсяцевъ служебнаго опыта было достаточно для графа, чтобы убѣдиться, что онъ не рожденъ былъ для врачебной практики, что къ надлежащему

¹⁾ Тамъ же, II, 91.

²⁾ Тамъ же, стр. 81, 91—95.

³⁾ Впрочемъ университеты того времени еще не представляли тѣхъ печальныхъ явленій въ этомъ отношеніи, какія они представлять начали впоследствии. Срав. о семъ и слова самого графа въ *Русск. Архивъ* 1881, II, 42 и дал. 67 и дал. и др. и въ отвѣтъ на юбилейное привѣтствіе прот. С. К. Смирнова въ 1888 году.

діагнозу онъ не способенъ,—и онъ почелъ себя нравственно обязаннымъ прекратить служеніе на избранномъ, можно сказать, случайно пути, и тогда же рѣшилъ безповоротно искать другаго, болѣе соотвѣтствующаго его склонностямъ и способностямъ пути ¹⁾.

Въ то время, къ которому относится служба графа М. В. Толстаго въ Ново-Екатерининской больницѣ, только что вышелъ указъ, лишавшій медиковъ всѣхъ правъ университетскаго образованія въ случаѣ перехода ихъ на гражданскую службу съ врачебной. Поэтому графу приходилось искать такого поприща, на которомъ бы онъ могъ сохранить свои, не легко достигнутыя, права по образованію. Къ его счастью, въ ту пору открылось въ Москвѣ новое учрежденіе—Комитетъ для разбора и призрѣнія просящихъ милостыни. По уставу Комитета въ числѣ сотрудниковъ его могли быть и медики, съ сохраненіемъ ими правъ медицинской службы. Предсѣдателемъ комитета былъ назначенъ инициаторъ его, не задолго предъ тѣмъ оставившій должность Оберъ-Прокурора Св. Синода, сенаторъ тайный совѣтникъ С. Д. Нечаевъ († 1860), знавшій графа уже раньше и выдавшій его въ Москвѣ и въ Сергіевой Лаврѣ ²⁾. Въ этотъ-то Комитетъ, по приглашенію С. Д. Нечаева, и поступилъ графъ Михаилъ Владиміровичъ въ качествѣ сотрудника по медицинской части при переданномъ въ управленіе Комитета Работномъ Домѣ.—Обстоятельство, по видимому, случайное; но оно не было случайнымъ въ путяхъ промысла Божія. Такъ какъ на первыхъ порахъ графу по медицинской части при Комитетѣ было труда не много (только въ 1839 году, при усиленіи епидеміи тифа между нищими и призрѣваемыми въ Работномъ Домѣ, прибавилось труда ему и другимъ врачамъ-сотрудникамъ), и онъ лишь по временамъ исправлялъ не важныя порученія предсѣдателя: то ему представился благоприятный случай войти въ кругъ того вида учено-литературной дѣятельности, который послѣ сдѣлался предметомъ его насущной потребности и сдѣлалъ его имя извѣстнымъ и уважаемымъ едва не во всѣхъ уголкахъ нашего обширнаго отечества. Именно, по порученію С. Д. Нечаева, графъ составилъ,

¹⁾ *Русск. Архивъ* 1881, II, 91 и 97.

²⁾ Объ этомъ см. тамъ же, стр. 81, 82, 98 и дал. и др.

для назидательнаго чтенія, ближе всего призрѣваемымъ нами, а равно и для общаго употребленія, нѣсколько книжекъ, въ родѣ „Примѣровъ христіанскаго милосердія“, выбранныхъ изъ Четвѣхъ-Миней и Пролога, „Житія св. Іоанна Милостиваго“, и т. п. Въ 1840 году, по предложенію того же С. Д. Нечаева, графъ принялъ на себя новую, и на этотъ разъ болѣе сложную и трудную, должность помощника правителя дѣлъ при томъ же благотворительномъ учрежденіи, — Комитетѣ, и по самому свойству новыхъ занятій долженъ былъ еще ближе войти въ состояніе бѣднаго населенія Москвы и еще болѣе нежели прежде могъ оказывать помощи и добра этому населенію. Но такъ какъ новая должность вмѣстѣ съ тѣмъ и отнимала у графа слишкомъ много времени на непроезводительную канцелярскую работу: то онъ съ удовольствіемъ перемѣнилъ ее на такую же по наименованію, но за то болѣе удобную для него во всѣхъ другихъ отношеніяхъ должность при открывшемся тогда вновь въ Москвѣ дамскомъ Благотворительномъ Обществѣ, по предложенію Предсѣдательницы сего Общества княгини Е. М. Голицыной, которая уже знала о возвышенныхъ стремленіяхъ графа и благородной ревности его по званію врача при подвѣдомой Обществу Арбатской женской школѣ ¹⁾. С. Д. Нечаевъ съ глубокимъ сожалѣніемъ и съ большимъ трудомъ согласился на увольненіе графа отъ полезной и дѣятельной службы его при Комитетѣ, оказавшейся неудобосовмѣстимою съ новой службой графа при дамскомъ Благотворительномъ Обществѣ. Эта перемѣна службы по одной и той же въ существѣ дѣла благотворительной части произошла въ 1841 году осенью. Въ дамскомъ Благотворительномъ Обществѣ графъ вскорѣ также на столько зарекомендовалъ себя, что занялъ должность правителя дѣлъ (на мѣсто князя Н. А. Щербатова), былъ не только членомъ Попечительнаго Совѣта Общества, но и директоромъ дѣтскихъ пріютовъ. Ему принадлежитъ не маловажная заслуга изысканія и примѣненія къ дѣлу новыхъ способовъ къ усиленію средствъ для достиженія благихъ цѣлей Общества, въ числѣ каковыхъ способовъ было между прочимъ привлеченіе къ

¹⁾ Врачемъ при этой школѣ графъ началъ состоять вскорѣ послѣ защиты диссертациі на степень доктора медицины.

штату Общества шести коммиссіонеровъ изъ купчества, дотолѣ не имѣвшаго доступа въ это Общество, состоявшее главнымъ образомъ изъ представительницъ и представителей привилегированныхъ сословій. Эти должности коммиссіонеровъ, благодаря нѣкоторымъ правамъ ихъ новаго положенія, скоро были заняты богатыми купцами, которые дѣлали большія пожертванія въ пользу добраго дѣла, каковымъ, ближе всего, было учрежденіе школъ для бѣдныхъ дѣтей и попеченіе о сихъ послѣднихъ и ихъ родителяхъ. По времени учрежденъ былъ, какъ новый источникъ доходовъ для Общества, базаръ изъ руководѣлій воспитанницъ подвѣдомыхъ Обществу школъ. Имѣя такіе источники доходовъ, кромѣ обычныхъ пожертваній, Общество имѣло возможность учредить и содержать на первыхъ же порахъ до 7-ми школъ въ разныхъ частяхъ столицы, каковы школы: Арбатская, Прѣсенская, Симоновская, Николаевская и др., а потомъ и еще увеличилось число ихъ ¹⁾.

Одновременно съ поступленіемъ на должность помощника правителя дѣлъ въ дамскомъ Благотворительномъ Обществѣ, графъ М. В. Толстой, по предложенію уже за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ познакомившагося съ нимъ директора соединеннаго съ Московскимъ Обществомъ сельскаго хозяйства Общества шелководства С. А. Маслова († 1879), принялъ на себя должность секретаря сего послѣдняго Общества, при чемъ на его долю приходилось писать оригинальныя статьи, исправлять сообщенія, доставляемыя другими членами Общества, переводить съ французскаго и нѣмецкаго разныя статьи для повременнаго изданія Общества: „Журналъ сельскаго хозяйства“, а равно и вести переписку по дѣламъ Общества. Службу при Обществѣ сельскаго хозяйства графъ продолжалъ до 1857 года въ должности секретаря означеннаго отдѣла его, а потомъ до 1878 года занималъ въ немъ нештатную должность казначея. Съ научною дѣятельностію по этому Обществу у графа соединялась также своего рода благотворительная; ибо и у добрѣйшаго, высоконравственнаго, совершенно безкорыстнаго труженика С. А. Маслова и у графа М. В. Толстаго,

¹⁾ Объ этомъ можно читать въ тѣхъ же „Воспоминаніяхъ“ графа, помѣщенныхъ въ *Русскомъ Архивѣ* за 1881 годъ.

также какъ и у большинства другихъ членовъ того же Общества ¹⁾ главною цѣлю было — изученіе быта и нуждъ сельскаго населенія и возможное удовлетвореніе сихъ послѣднихъ. По своей службѣ въ Благотворительномъ Обществѣ и Обществѣ сельскаго хозяйства графъ М. В. Толстой уже въ 1844 году получилъ придворное званіе камеръ-юнкера ²⁾, сдѣлался извѣстнымъ при дворѣ, такъ какъ во время прїѣздовъ Высочайшихъ Особъ въ Москву представлялъ отъ означенныхъ Обществъ при посѣщеніи Ихъ Величествами и Ихъ Высочествами различныхъ учреждений сихъ Обществъ ³⁾, пользовался вниманіемъ и расположеніемъ знаменитаго первосвятителя Москвы митрополита Филарета и другихъ извѣстныхъ духовныхъ особъ того времени ⁴⁾ и т. д. А при отставкѣ получилъ чинъ статскаго совѣтника и орденъ св. Владиміра 3 степени ⁵⁾. — Послѣ, именно въ 1888 году, спустя 36 лѣтъ по выходѣ въ отставку графъ, по случаю исполнившагося тогда 40-лѣтія его учено-литературной дѣятельности и во вниманіе къ его ученымъ собственно заслугамъ, былъ Всемилоостивѣйше пожалованъ и чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Но не столько чины и отличія, въ которыхъ графъ и по происхожденію, и по положенію своему въ свѣтѣ, и по своей извѣстности при Дворѣ, и по своимъ связямъ въ высшемъ Обществѣ и наконецъ, по своимъ дѣйствительнымъ заслугамъ могъ бы, еслибъ захотѣлъ, достигнуть и высшихъ степеней, сколько умственные, духовныя работы и вниманіе ученыхъ обществъ и учреждений къ его учено-литературной дѣятельности занимали, интересовали его. Это особенно ясно обнаружилось въ означенномъ 1888 году, когда графъ М. В. Толстой достигъ, можно сказать, вершины

1) Достаточно сказать, что во главѣ Общества сельскаго хозяйства въ то время стоялъ самъ благороднѣйшій представитель, хозяинъ столицы, Московскій генералъ-губернаторъ князь Д. В. Голицынъ († 1844).

2) Еще въ 1818 году онъ получалъ придворное званіе пажа.

3) О семъ см. напр. въ его „Воспоминаніяхъ“ въ *Русск. Архивъ* 1881, II, 130—131.

4) И объ этомъ см. тамъ же, 104;—III, 118. 120 и др., 161 и дал. и др.

5) Службу свою по Благотворительному Обществу графъ окончилъ въ 1852 году, въ августѣ, вскорѣ послѣ женитьбы своей, такъ какъ, при семейной жизни, считалъ необходимымъ сократить расходы, которые долготѣ дѣлалъ на прїемы и выѣзды въ свѣтѣ, вращаясь въ лучшемъ обществѣ

своей извѣстности и славы и когда въ Ростовъ Великій (Ярославской губерніи), гдѣ торжественно праздновался его учено-литературный юбилей ¹⁾, послѣсь къ нему, уже глубокому старцу ²⁾, искреннія, восторженные поздравленія едва не со всѣхъ концовъ Россіи и отъ разнородныхъ ученыхъ учрежденій, духовныхъ и свѣтскихъ, равно какъ и отъ множества лицъ изъ разныхъ сословій и разныхъ положеній въ свѣтѣ ³⁾.

Такое обстоятельство побуждаетъ насъ обратиться теперь къ обзорѣню учено-литературной дѣятельности графа Михаила Владиміровича.

Для учено-литературной дѣятельности, и именно въ томъ родѣ ея, въ какомъ наиболѣе заявилъ себя почившій графъ, онъ обладалъ всѣми необходимыми и наилучшими свойствами и условіями. Природа наградила его свѣтлымъ умомъ, быстрымъ соображеніемъ, неутомимымъ трудолюбіемъ и изумительно крѣпкою и обширною памятью. Еще будучи ребенкомъ, онъ, какъ самъ говоритъ о себѣ, рассказывалъ наизусть цѣлую повѣсть въ стихахъ о 1812 годѣ ⁴⁾; прослушавъ два-три раза тѣ или другіе стихи, которые читалъ ему отецъ, онъ уже зналъ ихъ наизусть и могъ повторить слово въ слово ⁵⁾;—въ одинъ урокъ заучилъ твердо на память всю первую главу Евангелія отъ Луки (въ 80 стиховъ) ⁶⁾;—зналъ наизусть многія проповѣди Филарета митрополита Московскаго, и т. п. Между тѣмъ съ дѣтства же положено было въ немъ основаніе и для особаго, отчасти уже охарактеризованнаго нами выше, направленія его учено-литературной дѣятельности. Еще будучи шестилѣтнимъ ребенкомъ, графъ М. В. Толстой (въ 1818 году) имѣлъ счастливый случай видѣться и познакомиться съ извѣстнымъ

1) Что именно въ 1888 году и въ Ростовѣ праздновался юбилей графа, это объясняется тѣмъ, что въ 1847 году вышелъ въ свѣтъ первымъ изданіемъ первый изъ наиболѣе капитальныхъ трудовъ графа по исторіи и археологіи—о святыняхъ и древностяхъ Ростова великаго.

2) Ему въ то время было уже около 76-ти лѣтъ отъ роду.

3) Этотъ юбилей былъ описанъ во многихъ періодическихъ изданіяхъ того времени.

4) См. въ „Воспоминаніяхъ“ графа, помѣщенныхъ въ *Русскомъ Архивѣ* за 1881 г., т. I, стр. 258.

5) Тамъ же, стр. 261.

6) Тамъ же, стр. 263.

подвижникомъ иноческой жизни въ Ростовѣ великомъ, старцемъ іеромонахомъ Амфилохіемъ († 1824) и когда мать графа просила дать наставленіе ея сыну, старецъ сказалъ ему: „умѣешь ли читать, знаешь ли заповѣди“?—Читать,—говорить о себѣ графъ,—я умѣлъ, но заповѣди зналъ не твердо. — „Помни пока первую и пятую заповѣди: молись Богу усердно и почитай родителей. Читай чаще житія святыхъ: много добраго узнаешь; а чего не поймешь, проси чтобы тебѣ объяснили“. — „Эти слова неученаго, но богоугоднаго и прозорливаго старца,—добавляетъ графъ къ своему о немъ воспоминанію,—глубоко врѣзались въ моей памяти. Съ того времени я сталъ охотно читать сначала небольшіе рассказы изъ книги Мансветова: „Училище благочестія“, а потомъ и самую Четью-Минею. Любовь къ чтенію житій святыхъ, особенно русскихъ, осталась во мнѣ навсегда“¹⁾. Подспорьемъ къ сему для графа было еще и то, что у него въ дѣтствѣ былъ дядька, изъ вольноотпущенныхъ крестьянъ, который читалъ ему по вечерамъ Четью-Минею и Прологъ и его пріохотилъ къ этому чтенію, которое, вмѣстѣ съ уроками изъ Новаго Завѣта, поддерживало въ немъ христіанскія чувства и знакоило съ церковно-славянскимъ языкомъ²⁾. Такъ насаждалось, а съ переходомъ юнаго графа подъ руководство профессора О. А. Голубинскаго и утверждалось въ немъ религіозно-нравственное направленіе его духовнаго склада и дальнѣйшей учено-литературной дѣятельности.

Начало учено-литературной дѣятельности графа М. В. Толстаго относится къ періоду его университетскаго образованія. Еще въ 1834 году, будучи 22-хъ лѣтъ, онъ получилъ отъ Университета серебряную медаль за сочиненіе по хирургіи „De laesionibus, quae amputationem requirunt, nec non de varia perficiendi illam ratione“ (см. *Отчетъ Университета* за 1834 годъ, стр. 86). За тѣмъ слѣдуетъ уже напечатанная отдѣльною брошюрою докторская диссертация „De strychnino“ (Mosquae, 1838. Pagg. 48), въ которой онъ старается установить значеніе стрихнина ботаническое, химическое, токсикологическое и судебно-медицинское, не ка-

¹⁾ См. тамъ же, стр. 262.

²⁾ Тамъ же, стр. 264.

саясь его употребленія въ практикѣ врачебной ¹⁾. Къ тому же времени относится напечатанная въ *Журналѣ Садоводства* за 1838 годъ статья его: „Наблюденія надъ временемъ цвѣтенія растений Московской флоры“ ²⁾. Эта-то статья и служила яснымъ признакомъ его сближенія съ Обществомъ Сельскаго Хозяйства, между тѣмъ какъ, съ другой стороны, вступленіе на путь служенія дѣлу общественной благотворительности, вышеупомянутое нами, дало графу первое и ближайшее побужденіе къ составленію книжекъ, изслѣдованій и статей религіозно-нравственнаго содержанія и духовно-назидательнаго характера, каковы изъ относящихся къ наиболѣе раннему періоду учено-литературной дѣятельности его: 1) *Жизнь св. Іоанна Милостиваго*. Посвящено С. Д. Нечаеву. Москва, 1839;—2) *Примѣры христіанскаго милосердія, выбранныя изъ Четвѣй-Минеи и Пролога*. 2 книжки. Москва, 1840;—3) *Жизнь и чудеса св. Николая Чудотворца*. М. 1841 ³⁾. Эта книжка въ настоящее время вышла 18-мъ изданіемъ. 4) *Сказаніе о чудотворной Иверской иконѣ Божіей Матери*. М. 1842 ⁴⁾.— Къ этому же періоду относится и статья: „Очеркъ жизни

¹⁾ См. тамъ же, II, 94. И это сочиненіе, ве смотря на спеціальность его содержанія, графъ, изъ глубокаго довѣрія в уваженія къ уму своего наставника Ѳ. А. Голубинскаго, предварительно нарочито возилъ къ нему для прочтенія въ Сергіевъ Посадъ. См. тамъ же, стр. 94 и 95.

²⁾ Считаемо нужнымъ отмѣтить, что ботаническія занятія, любовь къ которымъ унаслѣдована графомъ М. В. Толстымъ отъ отца (о чемъ см. *Русск. Архивъ* 1881, I, 230), всегда интересовали его, а одно время, за послѣдніе годы своей жизни, графъ рѣшительно увлекался ими. Плодомъ этихъ занятій между прочимъ была его статья: „Изъ царства растений“, помѣщенная въ *Душенов. Чтеніи* за 1891 г., № 6.

³⁾ Содержаніе этой книжки также выбрано изъ Четвѣй-Минеи и службы святителю Николаю. Уже при первомъ выходѣ ея въ свѣтъ менѣе нежели въ годъ разошлось ея 2400 экземпляровъ. См. о семъ въ *Русск. Архивъ* 1881, II, 111 и дал. И послѣ предлагалъ графъ подобное же содержаніе для книгъ, издаваемыхъ въ назиданіе народу, о чемъ см. въ *Собраніи мнѣній и отзывовъ Филарета митроп. Моск.*, издан. подъ редакціей архіеписк. Саввы, т. III, стр. 142 и 143. Спб. 1885.

⁴⁾ Въ окончательной редакціи этого труда, цензура котораго принадлежала Ѳ. А. Голубинскому, принималъ участіе самъ митрополитъ Филаретъ, о чемъ см. *Русск. Архивъ* 1881, II, 123 и *Собраніе мнѣній и отзыв. м. Филар.* III, 93. Эта книжка графа имѣла также нѣсколько изданій, о чемъ см. *Русск. Архивъ* 1881, II, 123. Напр. 2-е изданіе ея вышло уже въ 1847 г.

графини Натальи Александровны Зубовой* (урожденной княжны Суворовой), напечатанная въ *Москвитянинъ* за 1844 годъ и оттуда вышедшая отдѣльною брошюрою ¹⁾. „Сказаніе о чудотворной Иверской иконѣ Божіей Матери“ послужило для графа поводомъ развитія въ немъ охоты къ археологическимъ занятіямъ. Лѣто и осень 1845 года онъ и провелъ въ обзорѣнн и описанн святынь и древностей Переяславля Залѣскаго и Ростова Великаго, плодомъ чего былъ первый его капитальный трудъ, составившій эпоху въ его учено-литературной дѣятельности, также какъ и въ исторіи изслѣдованія предмета, — трудъ, подъ заглавіемъ: „Древнія святыни Ростова Великаго“, напечатанный въ *Чтеніяхъ въ Московскомъ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ* за 1847—1848 годъ (годъ III), кн. II, стр. 1—86, съ 5-ю изображеніями, а потомъ вышедшій и отдѣльною книгою (М. 1847). Эта книга имѣла потомъ и еще два изданія. 2-е, значительно дополненное и исправленное изданіе вышло въ Москвѣ, въ 1860 году ²⁾. Въ 1860 году графъ подобнымъ же образомъ ѣздилъ, для археологическаго осмотра, въ древніе, пѣкогда вольные, города — Псковъ и Великій Новгородъ, и плодомъ этой поѣздки были двѣ, составляющія собой продолженіе труда о Ростовскихъ древностяхъ, книги: *Святыни и древности Пскова*. Москва, 1861 и *Святыни и древности Великаго Новгорода*. М. 1862.—Появленіе въ свѣтъ книги о святыняхъ и древностяхъ Новгородскихъ было особенно благовременно въ виду готовившагося въ 1862 году празднованія тысячелѣтія Россіи. Имѣя въ виду такое обстоятельство, графъ послалъ было эту книгу министру народнаго просвѣщенія для поднесенія Государю Императору Александру Николаевичу, но Государь не принялъ ее чрезъ министра, а пожелалъ, чтобы авторъ самъ поднесъ ее Ему въ Новгородѣ. Поэтому графъ ѣздилъ въ Новгородъ на торжество тысячелѣтія и тамъ поднесъ Государю свой трудъ, а Государынѣ Императрицѣ Маріи Александровнѣ, по ея желанію, по-

¹⁾ О графинѣ Н. А. Зубовой у графа см. еще въ *Русск. Арх.* 1881, II, 118 и дал. и въ *Храпавицкѣ Памяти* I, 26 и дал. М. 1891.

²⁾ Извлеченіе изъ этой книги см. въ *Ярославскіихъ Епарх. Вѣдомостяхъ* за 1860 годъ, въ отдѣлѣ мѣстномъ, стр. 11—15 (О Ростовскомъ Успенскомъ соборѣ). 3-е изданіе тойже книги и вышло въ 1866 г.

служилъ въ качествѣ живаго путеводителя къ святынямъ и древностямъ Новгородскимъ ¹⁾). По этому поводу и въ тѣхъ же видахъ графъ тогда же составилъ и издалъ, какъ извлеченіе изъ упомянутаго сейчасъ труда, еще двѣ книжки, — одну на русскомъ, подъ заглавіемъ: *Указатель Великаго Новгорода*. Съ приложеніемъ Новгородскаго мѣсяцеслова. Для богомольцевъ. Москва, 1862“, и другую на французскомъ: *Guide des étrangers à Novgorod*. Moscou, 1862. — Одновременно и въ связи съ тѣмъ графъ трудился надъ обработкою и другихъ изслѣдованій и статей въ области исторіи и археологіи. Такъ, еще въ 1847—1848 году, въ *Чтеніяхъ общ. исторіи и древностей* кн. VI появилась, съ предисловіемъ О. М. Бодянскаго, статья его: „Написаніе вдоваго попа Георгія Скрипицы изъ Ростова града, о вдовствующихъ пошѣхъ“. За тѣмъ, въ 1860 г. кн. I въ тѣхъ же *Чтеніяхъ* находимъ его статью, подъ заглавіемъ: „Нѣсколько словъ объ Успенскомъ Дубенскомъ монастырѣ“ (Владимір. епархіи), „съ двумя литографированными видами его“. Далѣе, тамъ же, за 1862 г., кн. II, — статью: „Арсеній Мацѣвичъ, митрополитъ Ростовскій“; — за 1864 г. кн. I, — статью: „Замѣчательный надгробный камень (отрытъ въ Троице-Сергіевой Лаврѣ, на могилѣ одного изъ Шемячичей); — за 1870 г., кн. II, — статью; „Павель митрополитъ Тобольскій и Сибирскій“; — за 1871 г., кн. II, — сообщеніе: „Доношеніе Московскому архіепископу Августину Новодѣвичья монастыря игуменіи Меводіи о французяхъ, въ семь монастырѣ стоявшихъ въ 1812 году“; и наконецъ за 1887 годъ, кн. IV, — большой и весьма цѣнный трудъ, подъ заглавіемъ: „Книга глаголемая описаніе о Россійскихъ святыхъ“. Съ предисловіемъ графа М. В. Т. и съ его дополненіями біографическихъ свѣдѣній о святыхъ, вышедшій и отдѣльною книгою (Москва, 1888. 8^о. Стр. 288 + II).

Между тѣмъ отзывчивость графа на все живое и совре-

¹⁾ Подробности о семь см. въ „Воспоминаніяхъ“ самого графа въ *Русск. Архивъ* 1881, III, 137 и дал. Стр. 134. Отношеніе же труда о святыняхъ и древностяхъ Новгорода къ двумъ упомянутымъ подобнымъ же трудамъ о Ростовѣ и Псковѣ опредѣляется однимъ уже тѣмъ, что, по намѣренію самого автора, вся эта трилогія составляетъ три части одного изслѣдованія, подъ общимъ заглавіемъ: „Русскія святыни и древности“.

менное, на ряду и въ связи съ изысканіями въ области древностей, имѣла плодами своими, съ одной стороны, такіа сочиненія его, какъ напечатанная въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* за 1865 годъ, по поводу кончины Цесаревича Николая Александровича и объявленія Цесаревичемъ, на мѣсто Его, Великаго Князя (въ Бозѣ почившаго Государя Императора) Александра Александровича, и перепечатанная отдѣльнымъ оттискомъ въ 1888 году, статья съ сопоставленіемъ въ ней подобнаго событія изъ древней исторіи Россіи¹⁾, а съ другой стороны,—дѣятельное участіе въ археологическихъ сѣздахъ²⁾.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, чрезъ профессора Московской Духовной Академіи Д. Θ. Голубинскаго, графъ М. В. Толстой познакомился съ Московскимъ протоіереемъ В. П. Нечасвымъ (нынѣ преосвященнымъ Виссаріономъ епископомъ Костромскимъ), который, вмѣстѣ съ другимъ Московскимъ протоіереемъ А. О. Ключаревымъ (нынѣ высокопреосвященнымъ Амвросіемъ архіепископомъ Харьковскимъ) съ 1860 года началъ издавать въ Москвѣ журналъ „Душеполезное Чтеніе“. В. П. Нечаевъ пригласилъ графа въ сотрудники этого журнала; графъ согласился и оказался однимъ изъ самыхъ усердныхъ, плодovitыхъ и полезныхъ сотрудниковъ его. Изъ множества изслѣдованій и статей графа, помѣщенныхъ на страницахъ *Душеполезнаго Чтенія*, то краткихъ, а то болѣе или менѣе пространныхъ и идущихъ почти чрезъ всѣ годы существованія журнала, начиная съ 1865 года и до настоящаго времени, мы укажемъ лишь на болѣе выдающіяся или по объему и значенію или только по значенію въ различныхъ отношеніяхъ. Сюда принадлежатъ, прежде всего и ближе всего: 1) „Разказы изъ исторіи русской церкви“, послѣдовательно веденные по событіямъ и лицамъ, начиная съ древнѣйшихъ временъ и кончая учрежденіемъ Св. Синода, т. е. 1721 годомъ³⁾. Эти „Разказы“,

¹⁾ Подробнѣе о семъ см. въ *Рус. Архивъ* 1881, III, 144—145. Статья удостоилась вниманія Августѣйшихъ Родителей почившаго Цесаревича и была перепечатана во многихъ русскихъ и иностранныхъ повременныхъ изданіяхъ.

²⁾ Объ одномъ изъ такихъ случаевъ участія см. напр. въ воспоминаніяхъ самого графа въ *Русск. Архивъ* 1881, III, 145—146. Рефератъ графа на этомъ сѣздѣ касался Сергіевой Лавры и ея древностей.

³⁾ См. тамъ же, на стр. 143 мнѣніе митрополита Филарета Московскаго объ этомъ, утверждавшее графа на мысли остановиться на такой границѣ времени.

мысль о которыхъ внушилъ автору М. М. Евреиновъ († 1878), печатанные въ *Душеполезномъ Читеніи* за 1865—1871, 1873—1875 годы, выходили и отдѣльными книгами, сначала какъ оттиски изъ сего журнала, а потомъ и особыми изданіями, которыхъ было до шести. „Разказы“ сдѣлали имя автора еще болѣе извѣстнымъ, нежели прежніе его труды ¹⁾.—2) „Путевыя письма съ сѣвера“ (Описаніе путешествія въ сѣверные русскіе монастыри), напечатанныя въ *Душепол. Читеніи* за 1867 и 1868 годы, также вышли и отдѣльною книгою (М. 1868);—3) „Путевыя письма изъ древней Суздальской области“ (*Душепол. Читен.* 1868 и 1869 гг.);—4) „Письма изъ Кіева“ (тамъ же, 1869 и 1870);—5) „Путевыя письма съ береговъ Волги“ (тамъ же, 1871 г. т. I и III);—5) „Задонскіе и Елецкіе подвижники. Письма къ М. М. Евреинову“ (тамъ же, 1872, III);—6) „Ученики преподобнаго Сергія и основанныя ими обители“ (тамъ же, 1877, II);—7) „Святыни и древности Старой Русы“ (тамъ же, 1878, II);—8) Святые властители Русской земли“ (тамъ же, 1890, I, II);—9) „Село Подсосенье“ (тамъ же, 1892, III), и мн. др. того же рода ²⁾; или 10) „Живой мертвецъ“ (тамъ же, 1869, II),—статья, перепечатанная едва не во всѣхъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ;—11) „Освященіе храма въ Московской Духовной Академіи“ (*Душеп. Читен.* 1870, I);—12) „Письмо къ М. М. Евреинову, въ дополненіе къ его воспоминаніямъ о митроп. Филаретѣ“ (тамъ же 1870, III);—13) „Мысли

¹⁾ Срав. для сего тамъ же, стр. 150 и „Хранилище Памяти“ I, 18.

²⁾ Т. е. историческаго и археологическаго, каковы, напр., еще—1) „Иеросхимонахъ Исусъ, основатель Распятскаго скита“ (*Душепол. Читен.* 1866, III);—2) „Иларіонъ митрополитъ Суздальскій“ (тамъ же, 1867, I);—3) „Василій Степановичъ Своземцевъ, въ иночествѣ преподобный Варлаамъ Важскій“ (тамъ же 1868, III);—4) „Юліанія Иустиновна Осоргина, благочестивая и праведная помъщица 16 вѣка“ (тамъ же, 1869, I);—5) „Бывшій Сергіевскій монастырь и пещера старцевъ въ г. Ливнахъ“ (тамъ же, 1874, I);—6) „Іоасафъ I, архіепископъ Ростовскій“ (тамъ же, 1876, I);—7) „Царница-икоония Дарія“ (тамъ же, 1888, I);—8) „Чудеса св. Димитрія Ростовскаго“ (тамъ же, 1869, I);—9) „Спасо-обыденный храмъ и чудотворная икона Спаса въ Вологдѣ“ (тамъ же, т. III);—10) „Преподобномученикъ Аеанасій Брестскій“ (тамъ же);—11) „Иконы Софіи, — Премудрости Божіей“ (тамъ же, 1890, I); 12) „Воспоминанія русскаго паломника“ (тамъ же, 1891, III и 1892, III), и др.

при гробѣ княгини А. П. Волконской“ (тамъ же, 1872, III), — превосходнѣйшая по тону, глубинѣ чувства и изяществу изложенія статья ¹⁾;—14) „Нѣчто о спиритизмѣ“ (тамъ же, 1883, III) и мн. др. ²⁾.

Имѣя большую склонность къ занятіямъ стариною и обладая обширною, крѣпкою памятью, а вмѣстѣ съ тѣмъ видѣвъ на своемъ вѣку весьма многое и весьма многихъ, графъ М. В. Толстой съ любовію отдавался нерѣдко воспоминаніямъ о быломъ въ своей жизни и въ своихъ соотношеніяхъ съ разными лицами и событіями. Сюда можно отнести, кромѣ нѣкоторыхъ изъ перечисленныхъ сейчасъ статей въ *Душеполезномъ Читеніи*, какъ печатаемая въ томъ же *Душен. Читеніи* (съ 1890 года и по 1895 годъ) статьи, подъ общимъ заглавіемъ: „Хранилище моей памяти“, составившія доселѣ уже три книжки (1 и 2-я. Москва, 1891 и 1893; 3-я. М. 1896), такъ и особенно статьи въ *Русскомъ Архивѣ*, именно: 1) „Миссіонерство Иннокентія (митрополита Московскаго). Его письма къ митрополиту Филарету, съ предисловіемъ графа М. В. Т.“ (—за 1879 г., ч. II); — 2) „Переписка Ѳ. А. Голубинскаго съ Ю. Н. Бартеневымъ и воспоминаніе о Голубинскомъ графа М. В. Толстаго“ (тамъ же, 1880, III);—3) „Воспоминанія“ (тамъ же, 1881, I—III), имѣющія глубокой интересъ и большое значеніе для біографіи почившаго графа;—4) „Памятныя записки М. М. Евреинова съ біографическимъ о немъ воспоминаніемъ“ (—1891, II); — 5) „Торжество тысячелѣтія Россіи въ 1862 году“ (—1892, I) ³⁾; — 6) „Настасья Николаевна Хитрово и ея семейство“ (—1894, I); — 7) „Свѣтлѣйшій князь Димитрій Владиміровичъ Голицынъ“ (—1894, II). — Печаталъ графъ свои историко-археологическія сочиненія, статьи и воспоминанія также и отдѣльными книжками, по прежнему, равно какъ и въ другихъ

1) Срав. у графа о томъ же въ *Русск. Архивѣ* 1881, III, 158—161 и въ *Хранилищѣ Памяти* I, 48—51. Княгиня А. П. Волконская была теща графа.

2) Напр. статьи, посвященныя памяти —событія 4 апрѣля 1866 года (Стихотвореніе) (*Душен. Читеніе* 1866, I);—лицъ: А. Н. Муравьева (тамъ же, 1874, III);—Арсенія митроп. Кіевскаго (тамъ же, 1876, II) и др.

3) Графъ описываетъ это торжество, какъ участникъ событія. Срав. сказанное выше.

повременныхъ изданіяхъ, независимо отъ трудовъ, подобныхъ тѣмъ, о которыхъ нами упомянуто было выше по отношенію къ изданіямъ Общества сельскаго хозяйства ¹⁾). Такъ, еще въ 1866 году, въ Москвѣ, въ Синодальной Типографіи, напечатана была книжка графа М. В. Толстаго, подъ заглавіемъ: *Владиміръ Сырковъ. Историческій разсказъ изъ временъ Грознаго Царя. Съ портретомъ Царя Иоанна* (8°. Стр. 68). За тѣмъ въ *Вологодскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ* за 1868 г. № 15 мы находимъ статью графа, подъ заглавіемъ: „Нѣчто объ игуменѣ Артеміи, мнимомъ еретикѣ“. Въ 1887 году графъ помѣстилъ интересную, не безъ значенія бывшую для его собственнаго, вскорѣ предстоявшаго, юбилея, статью: „Ростовскій кремль и возстановленіе его зданій“, въ журналѣ *Воскресный День* (за 1887 годъ №№ 2, 4, 6 и 10). Въ томъ же изданіи помѣстилъ онъ и еще нѣсколько статей. За тѣмъ въ 1892 году, по случаю совершившагося тогда 500-лѣтія со дня блаженной кончины преподобнаго Сергія, въ журналѣ: *Чтенія въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія* (т. II) графъ напечаталъ статью: „Патерикъ Свято-Троицкой Сергіевой Лавры или происхожденіе сѣверовосточнаго рускаго иночества изъ обители преподобнаго отца нашего Сергія игумена Радонежскаго Чудотворца“, вышедшую и отдѣльною книжкою (Москва, 1892. 8°. Стр. 54), нынѣ повторяемую, съ дополненіями и нѣкоторыми измѣненіями, изданіемъ. Наконецъ, не смотря на то, что въ этомъ 1892 году графу исполнилось ровно 80 лѣтъ отъ рожденія, онъ не оставилъ своимъ сотрудничествомъ и возникшаго въ семъ 1892 году при Московской Духовной Академіи, на мѣсто „Твореній св. Отцевъ“ съ „Прибавленіями“, журнала: „Богословскій Вѣстникъ“. Именно, въ этомъ журналѣ помѣщены слѣдующія статьи графа: 1) „Преподобный Варлаамъ Шенкурскій“ (*Богосл. Вѣсти.* за 1892 г., кн. 12);—2) „Воспомянія о моей жизни и ученіи въ Сергіевомъ Посадѣ (1825 — 1830)“ (Тамъ же, 1894, кн. 10—12) и 3) посмертная: „Родовая

¹⁾ Такъ напр. самъ графъ сообщалъ намъ, что онъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми студентами Московской Духовной Академіи, во время оно участвовалъ въ переводѣ катихизиса митроп. Московскаго Филарета на нѣмецкій языкъ, подъ редакціей протоіерея Ѳ. А. Голубинскаго.

икона Воейковыхъ въ Троицкой Сергіевой Лаврѣ“ (тамъ же, 1896, кн. 2). И эти и всѣ другія статьи, написанныя авторомъ уже въ глубокой, мастистой старости, дышатъ одинаково юношескою свѣжестью мысли, воображенія, памяти и словеснаго выраженія: „плодовитъ, соченъ и свѣжъ“ былъ мастистый старецъ и въ этихъ своихъ учено-литературныхъ произведеніяхъ, какъ въ прежнее время; и та же горячая любовь къ отечественной, преимущественно церковной, древности, съ живою отзывчивостію и на все современное, тотъ же глубокий, беззавѣтный патріотизмъ вѣютъ и одушевляють его въ учено-литературныхъ произведеніяхъ послѣднихъ 20-ти лѣтъ, въ которыя онъ самъ прямо объявилъ себя дряхлымъ старикомъ ¹⁾, какіе видны въ его произведеніяхъ изъ предшествовавшихъ десятилѣтій. О достоинствахъ и свойствахъ этихъ произведеній мы не можемъ едѣлать лучшаго отзыва, нежели тотъ, какой сдѣлалъ о нихъ въ 1888 году въ Бозѣ почившій преосвященный Алексій, архіепископъ Литовскій (въ мірѣ А. Ѳ. Лавровъ, † 1890), хорошо знавшій и графа и его сочиненія: „Всѣ Ваши литературные труды, — писалъ онъ ему въ Ростовъ по случаю его юбилея, — посвящены русской исторіи и по преимуществу исторіи церковной и археологіи. Художественность и ясность изложенія, благородный и изящный языкъ, всесторонность изслѣдованія даютъ Вашимъ трудамъ мѣсто на ряду съ самыми лучшими церковно-историческими трудами нашего времени, каковы труды въ Бозѣ почившаго митрополита Макарія, съ которыми Ваши труды имѣють замѣчательную близость по ясности изложенія, благородству языка и основательности изслѣдованія. Ваши труды читаются съ необычайною пріятностію и приносятъ великую пользу“ ²⁾. Дѣйствительно, хотя, при многочисленности учено-литературныхъ произведеній графа, при поспѣшности въ заготовленіи нѣкоторыхъ изъ нихъ, автору трудно было избѣжать нѣкоторыхъ, незначительныхъ историческихъ и археологическихъ промаховъ, хронологическихъ неточностей и под., повтореній сказаннаго другими и даже самимъ авторомъ

¹⁾ См. воспоминанія графа въ *Русск. Архивъ* 1881. III, 161. Это объявленіе относится къ 1873 году, когда графу было еще только 60 лѣтъ.

²⁾ Письмомъ преосв. Алекоія мы пользовались изъ архива графа.

въ разное время ¹⁾: однако, при своихъ несомнѣнно высокыхъ достоинствахъ вообще, научныхъ и литературныхъ, они, во всей ихъ совокупности, представляютъ собой богатый и дорогой вкладъ въ нашу отечественную литературу. Заслуга автора ихъ для науки, отечества и церкви безспорна и весьма велика.

Не безъ основанія потому различныя ученые общества и учрежденія издавна спѣшили избрать графа Михаила Владиміровича въ свои дѣйствительные и почетные члены. Прежде всѣхъ (еще въ 1838 году) избрало его въ свои члены Общество испытателей природы и Русское Общество любителей садоводства, также Физико-медицинское Общество и Общество сельскаго хозяйства (въ 1841 г.); за тѣмъ (въ 1847 г.) Московское Общество исторіи и древностей Россійскихъ. Далѣе, онъ избранъ былъ и состоялъ дѣйствительнымъ и почетнымъ членомъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества (съ 1869 года), Московскаго Общества любителей духовнаго просвѣщенія, Ростовскаго музея древностей и т. д., наконецъ почетнымъ членомъ Кіевской (съ 1869 г.) и Московской (съ 1885 г.) духовныхъ академій. Особенно дорогимъ для себя считалъ покойный графъ избраніе его въ почетные члены Московской Духовной Академіи. Отвѣчая на принесенное ему отъ нея въ юбилейный 1888 годъ привѣтствіе, онъ говорилъ: „Чувствую глубоко, но не нахожу въ себѣ силъ для выраженія благодарности къ привѣту Московской Духовной Академіи, — той Академіи, у порога которой я провелъ лучшіе годы моего отрочества и ранней юности, которой такъ много обязанъ моимъ образованіемъ, чрезъ благодѣтеля моего Ѳ. А. Голубинскаго и другихъ почтенныхъ наставниковъ, лекціями коихъ я пользовался. Она воспитала меня, она же впоследствии удостоила высокаго званія почетнаго своего члена, и теперь почтила своимъ вниманіемъ. Сердечная привязанность и благоговѣйное почтеніе къ ней не угаснетъ во мнѣ до гробовой доски“ ²⁾. И подлинно, его привлекало къ Сергіеву Посаду и дер-

¹⁾ Это послѣднее особенно должно сказать о нѣкоторыхъ статьяхъ „Хранилища Памяти“ графа, которое впрочемъ за то во многихъ другихъ отношеніяхъ драгоцѣнно, а иногда и не замѣнимо.

²⁾ Изъ архива графа. Срав. также въ *Русск. Архивъ* за 1881, II, 71.

жало почти безвыѣздно въ послѣднемъ за истекшіе доселѣ 13—14 лѣтъ столько же чувство привязанности къ почившимъ здѣсь же, въ оградѣ Лавры, супругѣ и дѣтямъ, рядомъ съ могилами которыхъ онъ приготовилъ и себѣ могилу, сколько и чувство любви къ Московской Духовной Академіи, съ которой онъ связанъ былъ если менѣе тѣсными, то во всякомъ случаѣ гораздо болѣе продолжительными узами. Не даромъ, конечно, онъ не забылъ Академіи и передъ смертію, оставивъ по завѣщанію въ пользу нуждающихся ея студентовъ значительную сумму денегъ, а библиотекѣ академической передалъ значительную часть своихъ книжныхъ сокровищъ.

Эти отношенія почившаго къ своимъ приснымъ по плоти и по духу даютъ намъ случай заключить наше слово о немъ краткою характеристикою его какъ человѣка и семьянина. Почившій графъ былъ человѣкъ съ душою чисто русскою, — открытою, живою, отзывчивою на все доброе, общеплезное, готовою притти на помощь всякому нуждающемуся и въ тоже время напоенною съ дѣтства, также по русски, истиннымъ и строгимъ благочестіемъ и оттого тѣмъ болѣе заслуживавшею уваженія; — человѣкъ радушный, какъ истинно русскій: гостепріимство ого не знало предѣловъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ его натурѣ, въ его отношеніяхъ къ другимъ не было и крайностей, столь часто встрѣчающихся въ русскихъ натурахъ: его благородство, истинно аристократическое, всегда полагало рѣзкую пограничную черту въ этихъ отношеніяхъ для всего, что могло бы хотя сколько нибудь служить къ оскорбленію нравственнаго и эстетическаго чувства и вкуса. Въ немъ на всю жизнь сохранились тѣ качества, которыя отиѣтилъ еще наставникъ его *Ф. А. Голубинскій*, писавшій о немъ покойному *М. П. Погодину* въ 1830 году: „его постоянная любовь къ ученію при отличныхъ дарованіяхъ, крѣпость права, неограниченное повиновеніе добрымъ наставленіямъ матери, старавшейся воспитать его въ духѣ истиннаго христіанства, трудолюбіе безъ самоиѣнія и другія любви достойныя качества душевныя были для меня пріятнѣйшею наградою за слишкомъ пятилѣтній трудъ въ его образованіи“ ¹⁾. Послѣ 1830 года и кончины матери графа († 1852) произошла

¹⁾ *Н. П. Барсукова*, „Жизнь и труды *М. П. Погодина*“, т. III, стр. 62. Спб. 1890.

только та разница въ этой характеристикѣ, что родную мать для него замѣнила общая наша мать—Церковь Христова, которой почившій такъ же неограниченно повиновался, какъ и родной матери. Особенно же обращаютъ на себя вниманіе его семейныя добродѣтели. Его нѣжная любовь къ супругѣ (Елизаветѣ Петровнѣ, урожденной княжнѣ Волконской), скончавшейся 5 сентября 1881 года, при томъ любовь истинно христіанская ¹⁾, его нѣжная заботливость, непрестанная память о ней и вѣрность ей при жизни и по смерти; его горячая любовь къ дѣтямъ и вообще истинно-отеческія, любвеобильныя отношенія къ нимъ и ихъ потомству ²⁾ вполне заслуживаютъ глубокаго уваженія и подражанія. Онъ считалъ себя счастливымъ, что во время предсмертной болѣзни своей былъ окруженъ любящими и любимыми дѣтьми, и умеръ на рукахъ одного изъ сыновей своихъ. Это было 23 генваря сего года въ 10 часовъ утра, послѣ непродолжительныхъ, хотя и тяжкихъ, предсмертныхъ страданій старца и послѣ того, какъ онъ, будучи истиннымъ христіаниномъ, принялъ въ полномъ, до конца жизни не оставлявшемъ его, сознаніи напутствіе святыхъ Христовыхъ таинствъ покаянія, причащенія и елеосвященія. Такъ, наконецъ, тихо почилъ маститый старецъ отъ многихъ трудовъ долгой жизни своей. Угасъ свѣтъ его добрыхъ, привѣтливыхъ очей. Но не угасла любовь къ нему тѣхъ, къ которымъ онъ такъ сильно и такъ искренно, „до гробовой доски“, былъ расположенъ въ земной жизни своей. Его гробъ окружила теперь вся его семья родная и ядобавокъ та семья его родства духовнаго, съ которою онъ съ дѣтства соединенъ былъ тѣсными узами любви и пріязни, т. е. братство академическое, въ нынѣшнихъ своихъ членахъ вполне замѣнившее ему тѣхъ, съ которыми онъ дѣлилъ пріязнь и любовь въ теченіе цѣлыхъ семи прошедшихъ десятилѣтій. Сыновья его, графы Сергій Михайловичъ и Николай Михайловичъ, съ ихъ супругами, дочь его княгиня Прасковья Михайловна Голицына, съ ея супругомъ, и прочіе родные съ

¹⁾ См. для сего *Хранилище Памяти* графа, кн. II, стр. 1 и дал. Москва, 1893.

²⁾ Срав. для сего воспоминанія графа въ *Русск. Архивъ* за 1881 г., ч. III, стр. 155—157, 161, 169—172, и *Хранилище Памяти* I, 14 17 и 25—26. Москва, 1891.

одной, и всѣ профессора Московской Духовной Академіи, среди которыхъ находился и старецъ—сынъ наставника почившаго графа Дмитрій Ѳеодоровичъ Голубинскій, а равно и студенты, также представители Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества и многія иныя лица—съ другой стороны, собрались у гроба почившаго, чтобы отдать ему послѣдній долгъ. Выносъ и отпѣваніе тѣла усопшаго, происходившіе 25-го того же генваря, совершались, согласно предсмертному желанію его самого, о. ректоръ Академіи архимандритъ Лаврентій соборнѣ, въ сослуженіи Лаврскаго и Академическаго духовенства. При этомъ на заупокойной литургіи, совершенной въ лаврской трапезной церкви при пѣніи хора студентовъ ¹⁾, послѣ заамвонной молитвы отецъ ректоръ произнесъ трогательное и вмѣстѣ глубоко-назидательное слово въ память почившаго, а за отпѣваніемъ говорили надгробныя рѣчи профессора В. А. Соколевъ и И. Н. Корсунскій. Сверхъ того на Лаврскомъ Успенскомъ кладбищѣ, предъ опусканіемъ гроба въ могилу, еще сказалъ рѣчь студентъ IV курса Н. Ѳ. Добротинъ ²⁾. Нѣсколько вѣнковъ осыпало гробъ почившаго старца, который и во гробѣ лежалъ какъ живой и даже какъ бы помолодѣвшій: такъ былъ свѣжъ онъ. Уже около 2-хъ часовъ по полудни окончилось погребеніе, за которымъ слѣдовала поминальная трапеза, учрежденная въ покояхъ о. ректора Академіи. Здѣсь снова въ память почившаго говорили рѣчи профессоръ Д. Ѳ. Голубинскій и сродникъ почившаго графъ Г. Д. Толстой ³⁾, а старшій изъ сыновей почившаго графъ С. М. Толстой въ живой, одушевленной рѣчи благодарилъ собравшихся и особенно академическую корпорацію за со-

¹⁾ Покойному графу, до мелочей всѣмъ распорядившемуся заблаговременно на случай своей смерти, хотѣлось, чтобы и въ этомъ было напоминаніе о прежнемъ его участіи въ академическихъ богослуженіяхъ того времени, когда еще не было въ академіи своей домовою церкви.

²⁾ Всѣ эти—слово и рѣчи печатаются въ приложеніи къ настоящему некрологу почившаго графа. Н. Ѳ. Добротинъ въ послѣдніе годы занимался письмоводствомъ у графа.

³⁾ Графъ Глѣбъ Димитріевичъ Толстой—сынъ бывшаго оберъ-прокурора Св. Синода и министра народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ графа Д. А. Толстаго († 1889), двоюроднаго брата покойнаго графа Михаила Владиміровича.

чувствіе къ почившему, выражавшееся и при жизни послѣдняго и такъ ясно обнаружившееся въ почтеніи памяти его по кончинѣ.

Такъ и по смерти благочестиваго и столь много послужившаго на пользу Церкви Христовой раба Божія графа Михаила надъ нимъ во очію всѣхъ исполнилось слова Писанія: *Насажденные въ домъ Господнемъ, они цвѣтутъ во дворахъ Бога нашего. Они и въ старости плодовиты, сочны и свѣжи, чтобы возвѣщать, что праведенъ Господь; твердыня моя, и нѣтъ неправды въ Немъ* (Псал. 91, 14—16). Во истину *праведенъ Господь, и нѣтъ неправды въ Немъ*. Онъ оправдываетъ на дѣлѣ истину вѣчнаго слова своего о томъ, что *благочестіе на все полезно есть, обитваніе имѣющее живота нынѣшняго и грядущаго* (1 Тим. 4, 8). Въ мирѣ съ Богомъ и ближними старался жить и жилъ почившій во все долгое время земнаго своего странствія и, послуживъ много Богу и ближнимъ и почтенъ бывъ по заслугамъ отъ Бога и отъ людей, достигнувъ старости маститой среди благъ міра сего, окруженный общіею любовію, въ мирѣ же отошелъ и въ жизнь нескончаемую, загробную. Миръ праху его и вѣчная ему память!

Иванъ Корсунскій.

Рѣчь о. Ректора Архим. Лаврентія.

Смерть cadaго челоѵка глубоко назидательна: потому что она напоминаетъ намъ собственную нашу смерть. Она всѣмъ намъ говоритъ: и вы также ляжете на смертномъ одрѣ, и ваши глаза на вѣки закроются, и ваши уста на вѣки сомкнутся, и васъ положить въ мать-сырую землю, и засыпать пескомъ сыпучимъ. Посему покайтесь, оглянитесь на свою прошлую жизнь, исправьтесь, подумайте, съ чѣмъ вы явитесь на судъ Божій, къ престолу Страшнаго Судіи. Это говоритъ намъ смерть всякаго челоѵка.

Но смерть лицъ высокопоставленныхъ по рожденію, по воспитанію, по даннымъ отъ Бога талантамъ, говоритъ еще болѣе, или тоже говоритъ, но только гораздо сильнѣе, живѣе.

Вотъ гробъ, предъ нами стоящій, какое неоцѣненное сокровище вмѣщаетъ! Мы погребаемъ человѣка знатнаго по роду, по положенію въ обществѣ, по богатству. Въ самомъ дѣлѣ много-ли родовъ въ Русскомъ царствѣ знатнѣе рода почившаго? Сколько знаменитыхъ лицъ произошло изъ него, изъ коихъ нѣкоторые правила Россіею даже до нашего времени? Перечислить родъ Толстыхъ значитъ разсказать почти половину исторіи Россіи. И вся эта знатность, все это величіе, вся эта слава—въ тѣсномъ гробѣ вмѣщается... Послѣ сего не суета ли эта слава? Поистинѣ суета!

Много лицъ было и есть богаче почившаго: но и его Господь не обидѣлъ достаткомъ; и у него было рощи и сады и всякія плодovitыя деревья, были служанки и слуги и домочадцы и онъ не отказывалъ себѣ ни въ какомъ веселіи, не возбранялъ сердцу своему во всемъ, что радовало его; а вотъ теперъ все оставило его; лежитъ онъ одинъ во гробѣ своемъ, ничего ему не нужно; одинокимъ опустятъ его въ могилу; безъ богатства онъ пойдетъ и на страшный судъ Христовъ. Послѣ сего, какъ не сказать, что и богатство и всѣ блага земныя—все это суета и крушеніе духа.

Но есть нѣчто, что выше и знатности рода, и богатства, это—мудрость человѣческая. И развѣ почившій не обладалъ мудростію? Развѣ не имъ изслѣдованы судьбы нашей святой православной Церкви отъ ея начала до нашихъ временъ? Развѣ не имъ описаны многія св. обители? Развѣ не имъ разсказаны въ назиданіе нашего простаго народа житія многихъ святыхъ? Развѣ двѣ духовныя Академіи, Общество Любителей Духовнаго Просвѣщенія не считали своею честью имѣть его своимъ почетнымъ членомъ? Развѣ, можно сказать, до послѣдняго своего издыханія не выводилъ онъ изъ „хранилища своей памяти“ въ назиданіе намъ многихъ почтенныхъ, но забытыхъ отъ времени лицъ? И вотъ старецъ сомкнулъ теперъ свои орлиныя очи. Изъ хранилища памяти отлетѣлъ оживотворявшій его духъ къ Богу, Который и далъ его, а самое хранилище обращается въ землю, изъ которой и взято. Послѣ этого какъ не сказать съ Соломономъ: и мудрость человѣческая суета и томленіе духа.

Но что же не суета? Что дѣлаетъ и знатность и богатство и мудрость не суетою? Когда неправедное богатство оправдываетъ человѣка? суетная слава не ослѣпляетъ чело-

вѣка? земная мудрость не надмеваетъ его?—Когда онѣ соединяются съ благочестіемъ. Благочестіе—вотъ не суеть. Только оно дѣлаетъ, что и временныя блага готовятъ человѣку вѣчное блаженство и изъ тлѣнныхъ благъ человѣкъ дѣлаетъ себѣ на небесахъ домъ нерукотворенный, вѣчный (2 Кор. V, 1). Оно только одно не оставитъ человѣка въ часъ смерти, но пойдетъ съ нимъ въ вѣчность, будетъ съ нимъ и на частномъ и на страшномъ судѣ Христовомъ и послѣ страшнаго суда; потому что благочестіе—это самъ человѣкъ; и выражается оно въ не многихъ словахъ: бояся Бога и заповѣди Его соблюдай (Еккл. XII, 13); въ этомъ все для человѣка. Благочестію и учитъ насъ почившій. Благочестіе удержало его отъ исканія земныхъ почестей; куда-бы онъ могъ зайти при своихъ талантахъ, съ своими связями? Благочестіе предохранило его отъ увлеченія богатствомъ. Благочестіе привлекло его къ обителю Преподобнаго Сергія и поселило навсегда около нея; благочестіе заставило его подружить съ учеными нашей Академіи и у нихъ искать совѣта, мудрости и разума; благочестіе заставило его полюбить св. Церковь, ея многострадальную исторію, ея Богослуженіе и уставы; благочестіе сдѣлало его отца, веселящагося о чадѣхъ и внукахъ своихъ; благочестіе помогло ему дожить до глубокой старости, сохранить здравый умъ и свѣтлую память до послѣдняго вздоха; благочестіе, наконецъ, удостоило его христіанской кончины, тихой и безмятежной; будемъ молиться о томъ, чтобы благочестіе удостоило его и добраго отвѣта на страшномъ судѣ Христовомъ. Вотъ чему научаетъ насъ гробъ сей!

Но вамъ, благородные и высокоталантливые юноши, о которыхъ по преимуществу можно сказать: вы родъ избранъ, языкъ святъ, люди обновленія, почившій даетъ особенный урокъ. Мнѣ, кажется, онъ изъ гроба говоритъ: я человѣкъ свѣтскій, а такъ любилъ Православную Церковь, ея Богослуженіе, ея Божественныя уставы. Я не получилъ богословскаго образованія, но много сдѣлалъ для просвѣщенія народа русскаго. Любите же и вы Православную Церковь, ея Богослуженіе, защищайте даже до смерти ея Божественныя уставы отъ нападенія на нихъ плоти и міра. Любите богословскія науки, имъ подчиняйте всѣ другія науки; не увлекайтесь философіею и пустою лестію по сти-

хіянь міра сего, а не по Христъ; влеките эту непослушную рабу въ послушаніе ея истинной госпожѣ — вѣрѣ и Церкви Христовой; особенно же любите ту богословскую науку, которая учитъ, какъ возвѣщать людямъ волю Божію, возжигать въ сердцѣ ихъ свѣтъ вѣры и любви Христовой. Аминь.

Рѣчь проф. В. А. Соколова.

„Къ тихому пристанищу притекъ“, послѣ благополучной долголѣтней жизни, мирно-христіански почилъ и теперь предъ нами во гробѣ представитель: древняго, знатнаго рода, сіявшій славными титулами и почестями, щедро одаренный отъ Бога талантами и познаніями, широко-образованный и всю жизнь посвятившій неустанному труду. Почему-же, братіе, погребальный обрядъ совершается надъ нимъ не гдѣ-либо въ столицѣ, а въ нашемъ скромномъ погосадѣ? Зачѣмъ этотъ гробъ здѣсь, а не въ какомъ-либо другомъ храмѣ—знаменитомъ? Почему подлѣ него собрались теперь не столько блестящіе сановники, представители знатности и власти, сколько мы—служители богословской науки?

Какъ-бы въ отвѣтъ на это мнѣ слышится притча: *премудрость созда себѣ домъ... и уготова свою трапезу. Посла своя рабы созываютъ... И требующимъ ума рече: приидите... възыщите разума, да поживете* (Притч. 9, 1—6). Вотъ на этотъ-то призывъ божественной мудрости много лѣтъ тому назадъ всѣмъ сердцемъ своимъ откликнулся почившій. Онъ внялъ наставленію Премудраго: „не проси у Господа владычества, ниже отъ царя сѣдалища славы; не ищи да будеши судія“ (Сир. 7, 4—6); не захотѣлъ онъ власти и славныхъ должностей, не домогался быть высокимъ судіею и правителемъ, а всему предпочелъ скромныя занятія наукой,—изученіемъ историческихъ судебъ Святой Православной Церкви, — ея благодатныхъ святынь и древностей. И не ученый только сказался въ немъ при этихъ занятіяхъ, а человѣкъ глубокой вѣры и искренняго благочестія. Всѣ мы знаемъ и помнимъ, что одною изъ высшихъ радостей было для него посѣщеніе Божьяго храма, къ богослуженіямъ котораго спѣшилъ онъ

при всякой возможности даже и тогда, когда уже ослабѣвшія силы дѣлали для него каждое движеніе трудомъ великимъ. Божій храмъ и занятія церковной наукой, — вотъ на-кую премудрость предпочелъ онъ всему. „Сію возлюбихъ“, какъ-бы говоритъ онъ намъ словами Премудраго, „сію возлюбихъ и поискахъ отъ юности моея“ (Притч. 8, 2).

При такихъ наклонностяхъ, при такомъ настроеніи, сблизился почившій съ нашею академіей и такъ сроднился съ нею, что въ теченіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ жилъ въ самомъ близкомъ и непосредственномъ съ нею общеніи. Въ годы ранней юности онъ учился въ ней, садѣлъ, слушая лекціи, на ея студенческихъ скамьяхъ, а студенты академіи были его сверстниками и друзьями. Придя въ мѣру возраста, онъ сталъ добрымъ товарищемъ, даже близкимъ искреннимъ другомъ всѣхъ тѣхъ дорогихъ и приснопамятныхъ намъ людей, которые стояли во главѣ нашей академіи, были носителями ея славы, ея преданій. А на склонѣ дней своихъ онъ и совсѣмъ уклонился отъ правительственной дѣятельности и поселился здѣсь, — вблизи дорогой всякому русскому сердцу святыни и горячо-любимой имъ академіи. Когда мы выступили на дѣло своего служенія, онъ уже до такой степени близокъ былъ къ академіи, что намъ какъ-то странно было-бы и представить ее себѣ безъ нашего графа. Въ нашемъ профессорскомъ кругу проходили для него самые пріятные досуги, съ нами любилъ онъ бесѣдовать; интересы богословской науки и академіи были и для него дорогими и близкими сердцу. Вмѣстѣ съ нами работалъ онъ, почерпая изъ одного общаго источника и пользуясь сокровищами нашего академическаго книгохранилища. Пока позволяли силы, онъ былъ неизмѣннымъ и желаннымъ участникомъ академическихъ собраній и годовые праздники наши и ученые диспуты никогда почти не обходились безъ него. Съ горячимъ сочувствіемъ относился онъ къ нашему журналу и до самыхъ послѣднихъ дней своихъ охотно трудился для него, такъ что даже и теперь, въ настоящія минуты, еще печатается его „лебединая пѣснь“, его послѣдній трудъ, увы! — уже не успѣвшій появиться при жизни своего автора. Въ послѣдніе десять лѣтъ Московская академія съ любовію приняла его и въ сонмъ своихъ почетныхъ членовъ. Да, это былъ, можно сказать, истинный членъ нашей корпораціи,

это былъ *намъ графъ*, и мы всегда его искренно любили. И можно-ли намъ было не любить его, когда самъ онъ такъ любилъ нашу дорогую академію?! На первыхъ-же строкахъ своихъ послѣднихъ воспоминаній онъ еще недавно писалъ: „Московскую Академію я чту и люблю всѣмъ сердцемъ, какъ мою истинную „alma mater“, Эта именно любовь такъ привязала его на многіе годы къ посаду, что не было другаго мѣста, ему милѣе и ничто уже не въ силахъ было оторвать его отсюда. Только смерть вотъ разлучила его съ академіей, но и умирая онъ съ любовію думалъ о ней, когда уже слабѣющей рукой писалъ свои послѣдніе завѣты, чтобы академическій соборъ духовенства совершалъ надъ нимъ погребальный обрядъ, чтобы питомцы академіи пѣли священныя пѣсни и академическая корпорація провожала его до могилы. Цовѣрь намъ, дорогой почившій, что и безъ этихъ завѣтовъ все было-бы исполнено по твоему желанію! Московская академія тѣсною толпою сомкнулась теперь при твоёмъ гробѣ потому, что всегда видѣла и видитъ въ тебѣ не чужаго себѣ чловѣка, а близкаго, роднаго по духу, своего. Цовѣрь, что какъ чтала всегда и любила она тебя при жизни, такъ не престанетъ и теперь возносить за тебя свои молитвы ко Господу, да упокоитъ Онъ душу твою въ селеніяхъ праведныхъ.

Рѣчь проф. И. Н. Корсунскаго.

*Богъ сый мира, Отецъ щедротъ, великаго
слова Твоего Ангела, миръ подавающа по-
слать еси намъ: тѣмъ богоразумія къ свѣту
наставляшеся, отъ нощи утреннююще, славо-
словимъ Тя, Человѣколюбче.*

Пѣснь 5. Ирмосъ канона на Рождество Христова.

Уже давно миновали дни праздника Рождества Христова, когда святая Церковь оглашаетъ храмы звуками этой торжественной, исполненной глубокаго смысла, священной пѣсни канона; прошли уже и другіе праздники наступившаго новаго года: Обрѣзаніе Господне, Богоявленіе, и уже слышатся звуки пѣснопѣній, призывающихъ къ покаянію, къ

великому посту; а мнѣ все еще хочется и самому припомнить и предстоящимъ у этого гроба напомнить слова торжественной пѣсни, которою началъ я свое настоящее слово. Потому мнѣ невольно припоминается эта священная пѣсня при видѣ сего гроба съ останками почившаго досточтимаго старца графа Михаила Владиміровича Толстаго, что самъ нынѣ почившій старецъ въ послѣдніе дни своей жизни съ яснымъ сознаниемъ смысла сей пѣсни и съ глубокимъ религіознымъ чувствомъ припоминалъ и повторялъ начальныя слова ея въ приложеніи къ себѣ, и нарочито, не далѣе какъ на прошедшей недѣлѣ, поручалъ мнѣ приобрести для него въ собственность церковную книгу (декабрьскую Минею), заключающую въ себѣ службу праздника Рождества Христова ¹⁾.

Какой же смыслъ этой пѣсни и въ какомъ отношеніи прилагалъ ее къ себѣ почившій и приложима она къ нему?

Для большей части предстоящихъ у сего гроба нѣтъ надобности долго останавливаться на раскрытіи смысла этой пѣсни, дающей намъ понять, что Богъ Отецъ, первое Лице Святыя Троицы, Богъ мира (*εἰρήνης*) и Отецъ милосердія, послалъ намъ Сына Своего, какъ Ангела великаго совѣта, дарующаго миръ, примиреніе насъ грѣшныхъ съ правосудіемъ Божественнымъ (срав. 2-й тропарь той же 5-й пѣсни канона) и такимъ образомъ раскрывшаго намъ великую тайну боговѣдѣнія—тайну этого примиренія человѣка съ Богомъ въ вочеловѣченіи Бога Слова, побуждающую насъ торжественно славословить Человѣколюбца Бога. Скажу лишь нѣсколько словъ о томъ, что менѣе можетъ быть извѣстно большинству здѣсь предстоящихъ, именно, въ какомъ отношеніи прилагалъ къ себѣ слова этой пѣсни почившій и въ какомъ отношеніи они дѣйствительно приложимы къ нему.

„Вѣрую и уповаю“,—говорилъ почившій въ виду ясно сознаваемой близости кончины своей,—„что Богъ мира и Отецъ щедротъ, дающій мнѣ счастье умирать окруженному любящими и любимыми дѣтьми и въ мирѣ со всѣми, даруетъ мнѣ мирный исходъ изъ этой жизни и помилуетъ

¹⁾ Оказалось, что графъ, еще живъ сый, даже просилъ приходскій причтъ, не въ обычное время, передъ своею смертью, отслужить у него въ квартирѣ всенощное бдѣніе празднику Рождества Христова.

меня тамъ, въ жизни загробной“.—Нельзя не видѣть, какъ много глубокаго смысла въ этихъ словахъ, произнесенныхъ почившимъ къ тому же,—повторяю,—съ глубокимъ чувствомъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ нихъ видна и глубокая, искренняя вѣра въ Бога, и совершенная преданность въ волю Божию и полнота любви къ Богу, Отцу милосердія, и къ ближнимъ, изъ коихъ самые близкіе суть, конечно, дѣти родные, и, наконецъ, крѣпкая надежда на милосердіе Божіе; видны и другія добрыя качества и расположенія почившаго, котораго Господь, безъ сомнѣнія, не безъ причины удостоилъ и дожить до *старости маститой* (Псал. 91, 15) и увидѣть чада чадъ своихъ (Псал. 127, 7), и не только увидѣть, но и утѣшиться ихъ семейнымъ счастіемъ и общественнымъ благополучіемъ; удостоилъ и сдѣлать много добраго, общепользнаго (разумѣю его разнообразную общественную дѣятельность и учено-литературные труды), и быть въ мирѣ со всѣми, чтившими и любившими, въ свою очередь, почившаго за его истинно русскую, добрую душу, за его всегдашнее гостепріимство, сочувствіе и содѣйствіе всякому полезному предпріятію и проч.; наконецъ удостоилъ и тихо скончаться, послѣ непродолжительныхъ страданій, какъ неизбѣжной дани тѣлесной природѣ, въ полномъ и ясномъ сознаніи, окруженнымъ любящими и любимыми дѣтьми. По истинѣ весьма утѣшительна и глубоко поучительна и такая многолѣтняя, многопользная, счастливая жизнь и такая мирная кончина, даруемая только милостію и щедротами *Бога мира и Отца щедротъ*, пославшаго намъ Ангела великаго Совѣта Своего, дарующаго миръ.

Тѣмъ богоразумія къ свѣту наставляешся этою тайною жизни и смерти въ мирѣ съ Богомъ и людьми, *отъ ночи утреннююще, славословимъ Тя, Человѣколюбче.*

Остается лишь къ славословію присоединить и горячую молитву, да даруетъ *Богъ мира и Отецъ щедротъ* нынѣ отлетѣвшему изъ земнаго міра духу почившаго и возвратившемуся *къ Богу иже даде его* (Еккл. 12, 7) то, чего онъ еще желалъ и на что уповалъ предъ кончиною,—да даруетъ помилованіе за гробомъ, да проститъ ему вольныя и невольныя прегрѣшенія, содѣянныя имъ въ жизни, да упокоитъ его въ селеніяхъ праведныхъ и приведетъ къ не-вечернему свѣту царствія небснаго!

Рѣчь студ. Н. О. Добротина.

Позвольте и мнѣ, (какъ бывшему слугѣ почившаго), сказать нѣсколько словъ на память о почившемъ.

Опустивъ въ могилу дорогіе останки почившаго раба Божія, графа Михаила, мы не можемъ не воздать ему глубокой благодарности за то вниманіе, какимъ онъ дарилъ нашу Академію во все время своей долготѣтней жизни.

Покойный интересовался всѣмъ положительно, что такъ или иначе касалось Академіи и жилъ, можно сказать, ея интересами и заботами, радостями и горестями. Какъ бы самый нѣжный питомецъ ея, онъ гордился ея лучшими представителями, со многими изъ которыхъ имѣлъ въ свое время самыя тѣсныя отношенія, и научными заслугами Академіи, о которыхъ часто велъ пространную бесѣду, увлекаясь при этомъ по большей части своими личными воспоминаніями. Но о своемъ собственномъ отношеніи къ Академіи графъ всегда говорилъ замѣчательно скромно, выражаясь, наприм., что онъ воспитался на порогѣ Академіи, а не въ ней самой, чего, когда былъ юношей, желалъ, но по тогдашнимъ порядкамъ не могъ достигнуть.

Составъ преподавательской корпораціи графъ зналъ весь наперечетъ и любилъ бесѣдовать о достоинствахъ того или другаго профессора, о постановкѣ у него науки и т. п. Обычнымъ его вопросомъ, когда кто-либо изъ преподавателей покидалъ Академію, былъ такой вопросъ: „а можетъ ли N N (—новоизбранный) достойно замѣнить своего предшественника“?

Для него какъ будто не было званія выше званія академическаго преподавателя. Бесѣдуя разъ объ уходѣ изъ нашей Академіи одного преподавателя на службу по министерству народнаго просвѣщенія, онъ сказалъ: „жаль; умница былъ“. А на мои слова, что имъ избрано поприще болѣе широкое, графъ замѣтилъ, что въ его глазахъ службу выше профессора Академіи не легко найти.

Студенчество Академіи графъ ставилъ тоже очень высоко. По его мнѣнію мы уступаемъ учащейся молодежи другихъ

учебныхъ заведеній въ внѣшнемъ лоскѣ и свѣтскости, но вы превосходите ихъ — говоритъ графъ, — тѣмъ, что стоя дальше отъ общества, вы менѣе тратите времени на удовольствія свѣта и лучше пользуетесь годами ученья“.

Всѣмъ, конечно, понятно, какъ дороги такія слова такого человѣка для каждаго питомца Академіи, особенно — когда сознаешь и видишь, что это не комплиментъ, а слово образованнѣйшаго, многоопытнаго, маститаго старца, въ свое время прошедшаго два факультета въ университетѣ, прослушавшаго лекціи въ Академіи и всю жизнь потомъ близко стоявшаго къ этимъ разсадникамъ высшаго образованія, особенно же къ Академіи.

Московская Духовная Академія, въ лицѣ своихъ профессоровъ и студентовъ, во главѣ съ о. Ректоромъ, соединясь въ настоящій моментъ съ дѣтьми и родственниками почившаго, не менѣе ихъ скорбитъ объ этой дорогой для нея утратѣ и, конечно, никогда, никогда не забудетъ вѣрнаго своего друга, по гробъ ей преданнаго, графа Михаила Владиміровича Толстаго.

Вѣчная, вѣчная память ему!..

Д. О. Голубинскій въ рѣчи, произнесенной предъ окончаніемъ трапезы,

сначала воспоминалъ объ усердіи къ наукамъ и прилежаніи, какое въ графѣ Михаилѣ Владиміровичѣ замѣчалъ его наставникъ Θεодоръ Александровичъ Голубинскій, а также о чувствахъ любви и благодарности, которыя къ сему наставнику графъ сохранялъ до самой кончины своей. Далѣе указалъ на любовь почившаго къ православной Церкви и на выраженія этой любви въ многочисленныхъ трудахъ его по церковной исторіи и въ многократныхъ путешествіяхъ къ святымъ мѣстамъ русской земли. Потомъ говорилъ объ искреннемъ благочестіи графа, по которому онъ, предпринимая какое либо дѣло, прежде всего искалъ благословенія Божія, а въ скорбныхъ обстоятельствахъ жизни

обращался къ утѣшеніямъ религіи ¹⁾. Наконецъ упомянулъ о христіанской кончинѣ графа Михаила Владиміровича, и заключилъ рѣчь такими словами:

Будемъ же, вспоминая изреченіе святаго Іоанна Божіа Слова о томъ, что кровь Іисуса Христа Сына Божіа *очищаетъ насъ отъ всякаго грѣха* (1 Іоан. 1, 7), съ полнымъ упованіемъ молиться, да упокоитъ Господь Богъ душу раба Своего новопреставленнаго Михаила въ царствѣ небесномъ!

¹⁾ Въ доказательство сего Д. Θ. привелъ стихи, составленные графомъ М. В. Толстымъ послѣ того, какъ скончались у него два сына:

О, дѣти милыя! Вы съ самыхъ первыхъ лѣтъ
 Отрадой были мнѣ и сердце веселили.
 Днившись васъ, я старъ и сѣдъ,
 И силы измѣнили,
 И тяжело мнѣ... Но вамъ привѣтъ
 Я слышу изъ могилы.
 Не говорю съ тоской: „ихъ нѣтъ“,
 А съ благодарностію: „были“.